

ИЗ КНИГИ «ЛЮБОВЬ МОЯ, СОКРОВИЩЕ...» (1993)

Ночь неслышно спустилась к земле
и приникла к её изголовью.
В невесомой безветренной мгле
месяц весело дёргает бровью.

Чьи-то тени срослись на пути,
обжигает ночная прохлада...
Не печалься, мой стих, не грусти.
Никого нам с тобою не надо!

В сугробах валенки топя,
иду по февралю.
Повсюду я ищу тебя,
зову тебя, люблю.

Быть может, на свою беду
и на смех пошлых толп,
я всё равно тебя найду!
А после — хоть потоп.

Среди шума, среди смеха
я печаль свою несусь.
Даже Моцарт, даже Чехов
не помогут, не спасут.

Что сонаты и сюжеты,
что мне мудрые века?
Будут новые рассветы,
будет старая тоска.

Ты уехал, ты уехал...
Гаснут звёзды на весу.
Среди шума, среди смеха
одинокость несусь.

Казалось, что солнцу не будет конца,
и небо вздыхало от зноя...
Потом ты ушёл, как улыбка с лица,
и радость простилась со мною.

Летели недели, года торопя.
Я стала и суше, и строже.
О солнце, мне видеть не нужно тебя!
Во тьме ты ещё мне дороже.

Как хорошо с тобой в стихах,
а в жизни — всё иначе.
Сижу над грудой бумаг
и плачу, плачу, плачу.

Крепка ль связующая нить?
Нанижу все потери..
Как просто счастье сочинить,
самой в него поверить.

На парусах из кумача
я так плыла отважно...
Не разглядела сгоряча —
кораблик-то бумажный.

А всплеск твоих глаз всё мне голову кружит,
хотя я давно и вполне
уже разгадала унылую душу,
дремавшую в их глубине.

Но видится памятью, сердцем согретой,
что в первый увиделось раз.
И снова, как будто навстречу рассвету,
бегу я на свет твоих глаз.

Я о тебе давно не плачу,
но это помнится до слёз:
тот волжский плёс, песок и дача.
И сосен шум. И шум берёз.

Росою травы набухали,
и шишки падали в тиши.
Благоухая, колыхали
речную заводь камыши.

И пароход гудел от боли,
перекрывая шум берёз.
Всё то, что быть могло с тобою,
он на борту своём увёз.

А я всё помню этот шорох
и плеск заливистой волны,
и зелень глаз твоих весёлых,
неотделимых от весны.

А память печатает чётко:
как твой покидаю порог,
а дождь выбивает чечётку,
и — землю с травой из-под ног.

Вдыхаю полынную горечь,
под стынувшим ветром бредя.
И тихо касаются горла
холодные пальцы дождя.

*Бесплодием сердца Бога не гневи —
люби, как можешь: коротко и разных.
М.Борисова*

Я бесплодием сердца Бога гневлю —
вот уж месяц, как я никого не люблю.

И живу я в тиши, и дышу не спеша,
за семью за печатями дремлет душа.

Там, где лгали волшебные дали вчера,
прохожу одиноко, надменно мудра.

Как ясна и спокойна озёрная гладь.
Я учусь у неё не дрожать, не пылать.

Мир осенним дождём, как слезами, залит.
Вот уж месяц как сердце во мне не болит.

С неба хлопьями звёзд опадают стихи...
Ты прости мне, о Боже, все эти грехи —

что бессилье терплю, что обиды коплю,
что бескрыло живу — никого не люблю...

Снег

Жизнь, всё круче твой разбег.
Многое уплыло.
Как ждала я первый снег!
Как я снег любила!

Снег шуршал у наших плеч,
счастье нам пророчил.
Снег — свидетель наших встреч,
наших одиночеств...

Засыпая, я во сне
загадать пыталась:
«Если завтра будет снег...»
И всегда сбывалось!

А сегодня — ничего.
Вместо тайн — привычность.
Снег как снег. Ну что с того?
Будничный, обычный.

Только воздух стал свежей,
замело дорогу.
Пусто, просто на душе.
Ну и слава богу!

Первый снег

Скучный дождик шёл вчера
чёртом полосатым.
А сегодня — снег с утра,
праздничный, мохнатый.

Вот его весёлый бег
стал под вечер тише.
С непривычки ослабев,
снег прилёг на крыши.

Вся земля в счастливом сне.
Не буди, не надо...
Здравствуй, снег! Спасибо, снег!
Я тебе так рада!

Косой дождь

У дождя подкосились ноги
и скосились глаза на висок.
Переходит он все дороги
не по правилам — наискосок.

Слепой дождь

Застучало дробно, часто
по асфальту, по траве.
Пляшет дождик голенастый
босиком по синеве!

Он по радуге на крышу
приземлился на пари,
как проказливый мальчишка
по извилине перил.

Гром закаркал, точно ворон,
но пугал он не всерьёз.
И светлел в улыбке город
сквозь ручьи текущих слёз.

Искренность — искромётна.
Она искрится в глазах.
Искренность так заметна
в радости ли, в слезах.

Сердце открыть хотелось бы,
но ведь оно — одно...
Искренность — это смелость.
Это не всем дано.

Белой ночью

Белой ночью, белой ночью
тают в воздухе слова.
И следы — как многоточье,
там, где шепчется листва.

И молчат осиротело
одинокие огни.
Белой ночью, ночью белой
так беспомощны они.

Полусумрак, полугрёзы,
полупризрачно в судьбе...
Эти плачущие росы —
словно слёзы о тебе.

Не смахнуть мне их руками...
И во сне, и наяву
нежно-белыми словами
я зову тебя, зову.

Белой ночью пахнет сладко,
листьев шорохи тихи...
Жизнь красива и нескладна,
словно белые стихи.

Река застыла подо льдом,
ожесточилась, замерла.
Весёлый говор бурных волн
в броню молчанья облекла.

Она спокойна и горда,
не бьётся и не плачет.
Под коркой тягостного льда
она волнение прячет.

А я поверить не могу
такому равнодушию.

А я читаю на снегу
её живую душу!

Придёт горячая весна,
нахлынут щедрые лучи,
и вздрогнет радостно она,
и заликует, закричит.

Отбросив пасмурные сны,
навстречу жаркой ласке
себя до самой глубины
откроет без опаски.

И поплывут вперегонки
из плена мёрзлой кромки
печали, гордости, тоски
ненужные обломки.

Гроза

А туча распласталась чёрным грифом.
Вдруг — медных стрел посыпавшийся лес!
И капельки созвучно, точно рифмы,
запрыгали под музыку небес.

Родился дождь, как песня, как поэма.
Он был прозрачней хрупкого стекла.
И небо долго, радостно и немо
гляделось в лужи, словно в зеркала.

Земля о чём-то трепетно вздыхала,
кошмарные досматривая сны,
и, как от слёз, от капель высыхала
под солнечным дыханием весны.

О дожде

О дождя откровенье
высоко в поднебесье!
Векового стремленья
безыскусная песня.

Словно хочет в покое
непомерном, безбурном
небо слиться с землёю
в поцелуе лазурном.

О мой дождь скоротечный!
В мироздании блёклом
наше счастье невечно,
словно капли на стёклах.

Но с какою любовью,
всё на свете приемля,
ты поишь своей кровью
эту жадную землю!

О, не верьте морозам,
и ветрам, и ненастьям.
Верьте в вешние грозы
так, как верите в счастье.

Верьте в чудо рассвета,
в семицветие радуг.
Верьте в дождь над планетой
так, как верите в радость!

Стих мой рождённый,
мне на печаль,
ты искажённый
вышел в печать.

Лучших отрезать
несколько строк —
словно от тела
отрезать кусок.

Что ж тут поделывать...
Кричи — не кричи.
В чём-то редакторы
все палачи.

Взял, отхватил
ни за что ни про что.
Был бы ты стих,
а теперь уж не то.

Стих мой несчастный,
стих мой калека,
видеть в тебе
не хотят человека.

Что же мне делать?
Дайте ответ!
Стих мой, зачем ты
явился на свет?

Знай же, редактор,
помни теперь:
прежде, чем резать —
семь раз отмерь!

Зачёты

Разбросаны конспекты,
свет лампы до утра.
Зачёты у студентов —
горячая пора.

Одни идут не сразу
и «тянут» не спеша, —
сдают зачёт на храбрость,
бледнея и дрожа.

Другим нужны уловки,
шпаргалку мнёт рука.
Они сдают — на ловкость.
(О, как им жизнь легка!)

Лишь я учу зачем-то
все ночи напролёт. —
Сдаю зачёт на честность.
Поставьте мне зачёт!

Я не хочу себе судьбы такой.
Сражаюсь с нею, радуясь и мучась.
Пусть две копейки снова под рукой —
я по тебе уж больше не соскучусь.

Я не вернусь в течение дней глухих,
где и на солнце столько было пятен,
где был мне дым от сигарет твоих
как дым отечества, и сладок, и приятен.

Но вдаль уводят тысячи путей.
Впервые верю, вопреки привычке,
глазам озёр, ладоням площадей
и голосу весёлой электрички.

Зовут дорог просёлочных огни,
и горизонты мне навстречу мчатся.
Не время — помнить, время — разлучаться.
В последний раз рукою мне махни...

«Весь мир — театр. Актёры — люди...»
Как зорко видел ты, Шекспир!
Хоть сотня бед ещё прибудет,
я буду знать, театр — мир.

На сцене надо улыбаться,
порой проглатывая ком.

Ну, а поплакать, может случиться, —
там, за кулисами, тайком...

Небо

Какое небо неземное...
Стою, зажмурясь, не дыша.
Оно сияет надо мною,
как обнажённая душа.

О как нелепо, как нелепо,
как странно лишь предположить,
что под таким открытым небом
плохие люди могут жить.

Тает...

Тает снег... Тает лёд...
Тает в небе самолёт...
Тают в сумраке года...
Тает счастье без следа...

Всё вода, вода, вода!

Ассоль

Её говорят, что он не пара,
что он не любит, не придёт.
Ассоль всё ждёт заветный парус.
А парус... в море бури ждёт.

Одна

Одна среди улиц голых
бреду по пустым дорогам...
Как речка, оденусь в холод,
чтобы никто не трогал.

Я верю, верю, верю
отчаянно и слепо
в распахнутые двери,
в расхристанное небо!

Пусть будет ветер колкий —
не дрогну, не растаю.
Пусть будут злые волки!
Сама из их я стаи.

И разве так уж важно,
чтоб жизнь текла, лаская?

Была б она отважна,
была б она живая!

А если слёзы брызнут —
на сердце станет чище.
Чем больше будет жизни —
тем больше будет пищи.

Любовь моя, сокровище,
откуда ты, откуда?!
Прекрасное чудовище,
чудовищное чудо...

Телесное вместилище,
неужто ты — предел?
Неужто ты — хранилище
всего, что сон мне пел?

А явь неукротимее,
неистойей мечты...
Любимый мой, любимый мой,
да вправду ль это ты?!

Выше окон, выше крыши,
выше солнца синева!
Неужели ты не слышишь,
как во мне кричат слова?

А снега уж не отбелишь,
в лужах моют их лучи...
О тебе лишь, о тебе лишь
и капли, и грачи.

В мире мне, как в шубе, тесно,
и сосулькой тает грусть.
Я шепчу тебя, как песню,
как молитву, наизусть.

И несёт всё выше, выше
тёплой нежности волна.
Неужели ты не слышишь,
как во мне кричит весна?

Ах, всё это глупости, что Вы погубите,
не понимаете сам...
Как мне нравится жить, когда Вы меня любите,
глядите по волосам.

И руки любимые, сильные, тёплые
я прижимаю к груди.
Что там в глазах Ваших карих за стёклами,
что там ещё впереди?

Но минуты последние наши сосчитаны.
Губы чуть-чуть пригублю...
А глаза-то без стёкол у Вас беззащитные.
Как же я Вас погублю?

Сегодня Вы будете гостем.
Поднимем бокалы давайте
в хорошем каком-нибудь тосте!
Но счастья Вы мне не желайте.

Не надо бросаться словами,
которые лишь растревожат.
Оно может быть только с Вами.
А с Вами его быть не может.

Сколько можно ходить зарёванной?
Ну, пора, наконец, решаться.
Ненаглядный мой, ненацелованный,
перед смертью не надыхаться!

Сколько можно страдать и каяться?
Всё пройдёт чередою буден.
Лучше мне в одиночку маяться
в этой жизни, где Вас не будет.

Как сияла сквозь слёзы радуга
и казалась подковой на счастье...
Только радуга в небе — ненадолго.
Мне на землю по ней возвращаться.

Рвётся сна голубое кружево.
Пробуждение — как расплата.
Недолюбленный мой, несуженный,
что же делать, если так надо.

В конце концов мне наплевать,
что будут говорить.
Лишь ты мне грешные слова
ещё раз повтори.

В конце концов мне всё равно,
что станут говорить!
Пусть все, кто с ними заодно,
летят в тартарары.

А мы с тобой, а мы с тобой,
и да хранит нас чёрт!
И купол неба голубой
над нами распростёрт.

Что муки адова огня,
что преисподен жар,
когда целуешь ты меня
так, что в крови пожар!

И мы горим, и мы горим...
Всё выше тот костёр.
О вновь, что любишь, повтори!
И да хранит нас чёрт.

Я за это счастье нашей встречи
всех богов любви благодарю.
Я за тот метельный синий вечер
говорю спасибо январю,

снегопаду, что над нами реял,
фонарям, что освещали путь,
той скамье на вымерзшей аллее,
музыке, что доносилась чуть.

Радость пела в сердце, нарастая.
Как метель, она кружила нас.
Мне тогда казалось, я растаю
от горячих рук твоих и глаз.

Я сейчас всё это вспоминаю...
Снег фатой струится с высоты.
Я иду и будто приминаю
на асфальте белые цветы.

Всё мне снится тот же самый сон:
я бегу за Вами по перрону,
но догнать не в силах Ваш вагон,
только до стекла рукой дотронусь...

Вновь перед глазами тот перрон,
вновь наутро сердце болью сжалось.
Ночь, вернись, верни мне этот сон!
Это всё, что у меня осталось...

Это — словно трещина в сосуде.
Это из неё всё утекло —
то, что мы до гроба помнить будем, —
и любовь, и радость, и тепло.

Маленькая трещинка-то вроде,
но пустяк становится вдруг Всем.
Как вода, вся жизнь в неё уходит,
а весь мир становится Ничем.

Просияет сквозь заметь и снежить
и растает без слёз и без слов
звёздный мальчик по имени Ежи,
принц из давних рождественских снов.

Сочи. «Спутник». И вольница ночи.
В берег била морская волна.
И светили мне синие очи,
и в себе я была не вольна.

Шелест шёлковой ласковой речи,
словно шёпот травы в темноте.
Я тебе ничего не отвечу,
в безъязыкой крича немоте.

Тонкий образ истаял, как льдинка,
ни следа не найти на пути.
Но — как будто заело пластинку:
«До видзенья», «пше прашам», «прости»...

Слово славное, вольное: «Польша...»
Тёплой полночью полнится грудь.
И довольно... Чего тебе больше?
Это всё не вернуть, не вернуть.

Безотчётное чудо ночное...
Из каких лунных снов тебя звать?
Это всё-таки было со мною,
чтоб уже никогда не бывать.

Тайная музыка, голос души —
всё так созвучно слилось, срифмовалось.
Звёздный мой час, подожди, не спеши!
Это последнее, что мне осталось.

Есть заповедный один уголок,
тайный глухой островок во вселенной.
Там только неба ночного кусок,
память и несколько строк сокровенных.

Внешне — как все, и работа, и быт,
но огонёк запредельный искрит,
там, где так вольно дышать и любить,
где, как в убежище, можно укрыться.

Там расцветают мечты, как цветы,
рвутся, как птицы из клетки, наружу.
Там возвожу я дворцы и мосты,
чтобы под утро самой их разрушить.

Я выхожу на полночный балкон,
ворохи слов отпускаю на ветер.
Слышится эхо астральных веков.
Кажется, кто-то сейчас мне ответит...

Это волшебная сказка, игра.
Неба глоток мне пошлёт исцеленье.
В свежести ветра и в шелесте трав
чудится Божее благословенье.

Только лишь в логове тайных миров
можно душе отдышаться ночами.
Что б ни случилось — укроет покров,
соткан из воздуха и из печали.

На спектакль Петера Штайна
приезжали в Москву специально
посмотреть, как наш сад, наш дом
погибает под топором.

На спектакле Петера Штайна
оживала вещая тайна,
как ответ на немой вопрос:
неужели погиб мир грёз?

Неужели всё безвозвратно —
сад наш, душ наших свет отградный,
и кругом только мрак ледяной,
и Лопахины сплошь стеной?

Да, мы сами его срубили.
Да, мы сами его сгубили.
Вместо пашни и бороны —
олопахиванье страны.

От ухмылок кривых подонков,
бизнесменов и им подобных
не сбежать, не спасти добра
от убойного топора.

Этот стон у нас рынком зовётся.
Там, где тонко, там вечно рвётся.
О помедли, прошу, постой,
человечества сон золотой!

О цветенье, любви смятенье,
рук доверчивое сплетенье...
Кто-нибудь, задержи, нарушь
олопахиванье душ!

И молю я как о пощаде:
хоть бы память о вешнем саде,
свет России, родную речь
нам сберечь.

Убожество, неандертальство...
О время шлягеров и бездарей!
Дешёвка рока вместо вальса
рядится в музыку, в поэзию.

Крутые мальчики в законе
страну усеяли борделями.
И снова светочи в загоне.
Ну разве этого хотели мы?!

«Купите Дворец!» — объявление гласит.
Глазам и ушам я не верю.
Но вот уж другая табличка висит,
и стражники встали у двери.

Как будто плевков получили в лицо!
Здесь были концерты и встречи,
а нынче тут место для сходки дельцов,
свершающих сделки под вечер.

Теперь варьете тут. И сцена дрожит.
И девочки гладки и прытки.
Дешёвая музыка их ублажит,
а к ней — дорогие напитки.

Там каждый фирмач, толстосум и гурман
в любви одноклеточной страждет.
Им видится мир, как огромный карман,
который наполниться жаждет.

Когда-то мы строили этот ДК...
Но всё это рухнуло разом.
И храмы культуры идут с молотка,
и небо не сверзнется наземь!

Ау, диссиденты! Молчите, увы.
Нет надобы в вашей прослойке.
Вам так и не дали поднять головы
ещё на заре перестройки.

Мы мнили: свобода! И мир новизны,
как только могли, приближали.
Но вместе с империей обречены
и рынком невольничьим поращены,
мы вихрем истории снесены
и занесены на скрижали.

Мы — почва, перегной, навоз
для будущего поколенья.
Чем больше крови, пота, слёз —
тем лучше будет удобренье.

Утештесь всплывшею гряздой —
всё обещает добры всходы...
Как отвратительно лицо
у вашей нынешней свободы!

Ваш символ — золотой телец.
Лицо Христа — оскал сатира.
На первом месте не творец —
держатель платного сортира.

Полезно жарить соловьёв,
сады пускать на древесину.
О время подлое моё!
Терпеть тебя невыносимо.

Но зацветут опять, как встарь,
сады Серебряного века.
И Диогеновый фонарь
хранит тоску по человеку.

Я читаю запоем старую книжку.
Называется: «Так говорил Заратустра».
Припадаю к источнику мудрости Ницше.
Но меня буруевают не мысли, а чувства.

Принято считать: книги больше дают, чем люди.
В них уйма знаний и изречений умных.
А мне кажется, хомо читающий счастлив не будет.
Ведь счастье бессознательно и бездумно.

Бредящую ночь сменяет мудрое утро.
Звёзды глядятся в лицо рассвета.
А мне надоела вся учёная мудрость,
и хочется человеческого, не книжного ответа.

Рядом пудель Денди. Глядит с укором.
Глаз косит удивлённо из-под чёрной пакли.

Что, мол, ты нашла в этой книжке вздорной?
Ведь она ничем таким вкусным не пахнет.

Он кладёт мне лапу на книгу властно,
словно хочет сказать: «Ну кончай же с нею
и пойдём гулять! В мир, где так прекрасно!»
(Видно, тоже считает, что жизнь важнее.)

Мы идём сквозь струи дождя и ветра,
сквозь редкие огоньки в пелене снегопада.
Но меня согревает память о светлом,
моя тёплая, звериная, косматая радость.

И не нужно никаким быть сверхчеловеком,
никакого тут не надобно большого искусства.
Просто жить, и любить, и верить.
Что бы там ни говорил Заратустра.

*Пошло слово «любовь», ты права.
Я придумаю кличку иную.
Б.Пастернак*

Не стыжусь штампованности слов,
слышу их первоначальный звук.
На безлюдьи диких островов
я тебя по-птичьему позову.

Зашумят лесные голоса,
откликаюсь эхом в вышине.
Как корабль на алых парусах,
приплыла любовь моя ко мне.

Как на крыльях бабочки пыльца,
трепетны, всегда как в первый раз —
тайна черт любимого лица,
первозданность стёртых этих фраз.

Даль была лучиста и светла.
Лепетала, ластилась листва.
Помнишь, как мы слушали щегла?
Ты ему тихонько подпевал...

Не забыть, с годами не избыть
грешного биения в крови.
Грех один на свете может быть —
недостаток ласки и любви.

Счастье

Когда по судьбы наущенью
года протекали в тоске,

жила я предошущеньем,
от счастья на волоске.

Казалось, что-то случится
сегодня со мной должно,
и утро, как синяя птица,
стучалось в моё окно.

Сбылось всё, что в снах томило.
(Не верится, что сбылось!)
Но стрелка судьбы застыла.
Недвижна земная ось.

Есть всё, что для счастья надо:
работа, семья, дела.
Но где та босая радость,
куда она забрела?

И рвётся душа на части...
Вдруг ночью проснись в тоске:
ах, где то бывшее счастье,
от счастья на волоске?

Экстрасенсы и суггестологи,
врачеватели и целители,
ясновидящие, астрологи —
наши доблестные «спасители»,

знатоки чёрно-белой магии
самой что ни на есть категории,
колдуны, чародеи всякие, —
скольких вы уже объегорили?

Вы могущественны, как Кришна,
вы привычны к публичному буму.
Посоветовавшись со Всевышним,
называете круглую сумму.

И, руками делая пассы,
вы в астрал выходите лихо.
Пилотаж наивысшего класса —
скрыться чёртом под божьим ликом.

Там и сям открываются курсы —
обученье платное чарам.
Нет способностей? Были б ресурсы!
Не таких уж обучали.

Мы замерим вам биополе,
зарядим целебную воду.

Налетай! Исцелись от боли!
Пока есть на нас ещё мода.

Оба Глобы мыслят глобально
и ворочают судьбами мира.
Если звёзды столкнутся случайно,
знай: в продаже не будет кефира.

Кто ты есть? Козерог иль рыба?
Нам судьба уготована скопом.
Мы мозгами раскинуть могли бы,
но зачем, коль есть гороскопы?

В магазинах — камни «от сглаза».
За прилавок тянутся руки.
(Называют «куриным глазом»,
экземплярчик — всего «полштуки»).

Ворожба, приворот, наговоры,
бесконтактных массажей лажа...
Оккультисты, шаманы, воры, —
поумнеем мы все когда же?!

В нашем пошлом, замшелом быте
не от порчи прощу иль сглаза —
сохрани ты меня, Спаситель,
от носителей этой заразы:

от дурмана дурных шаманов,
колдунов, озабоченных сексом,
сохрани ты мои карманы
от обмана всех экстрасенсов!

Сумеречный вечер.
Я сижу одна.
Путь далёкий, Млечный
виден из окна.

Утешеньем робким
среди путей-дорог
у кого-то — водка,
у кого-то — Бог.

Злу и укоризне
верить не спеши.
Отдохни от жизни
в логове души.

Пусть закружит вьюгой
листьев чехарда,

словно письма Другу,
письма в никуда.

Тихо сны витают.
Нежны и легки,
с неба опадают
белые стихи.

Что бы ни случилось —
у тебя всегда
памяти лучинка,
как в ночи звезда.

Сладко, утолённо
плакать от тоски.
И душе влюблённой
это так с руки.

Любовь

Любовь — без памяти, до дрожи...
Сквозь мглу огонь её несём.
Любить... А что ещё мы можем?
И только-то? И это всё?

Любовь — для бедных. Для убогих.
Как утешение дана
тем, кто не смог найти дороги
и выжить в злые времена.

Прекраснодушным дилетантам,
кому фортуна скажет: «Брысь!»
Тем, кто, подобно Грину, Данте,
себе придумывают жизнь.

А человек, звучащий гордо,
самодостаточен вполне.
И не нужны ему подпорки,
как полю — дождь, как луч — весне.

Любовь — что посох среди ухабов,
с которым легче выживать.
Любовь — не сладость. Это слабость.
И грустно это сознавать.

Я расскажу вам о Цветаевой, —
не отворачивайте лица.
Вы вмиг очнётесь и отгадете,
вам эти песни будут сниться!

Я не имею звучной дикции
и надлежащего апломба,
но я вас одарю страницами,
что как замедленная бомба.

Я расскажу вам о Цветаевой,
я расскажу, как это было.
Не буду ничего утаивать:
она жила, она любила...

Кричат: не надо трогать личного!
Есть что-то ханжеское в этом.
Ведь невозможно разграничивать
в ней человека и поэта.

Она искала идеального.
Ей шквала страсти было мало!
И часто чуждого и дальнего
за самых близких принимала.

Мираж любви, родства иллюзия
и тайный жар стихотворенья...
Она была самою Музою,
она была само горенье!

Она бежала повседневности
и в душах открывала слитки.
Попытка жить, попытка ревности —
всё в этом мире было пыткой.

Нет, вы послушайте, послушайте,
я расскажу вам о Марине,
о той, что мой покой нарушила,
о бунтовщице, героине...

Но слышу реплики скептические,
ловлю ваш взор неблагоклонный,
хозяева единоличные,
владельцы клубов и салонов:

«На что нам эти ваши лекции!
Вот если б слово экстрасенса
иль что-то эдакое с перцем бы
из области крутого секса, —

на это публика бы клюнула,
а со стихами нынче глухо...»
О этот рынок ваш убудочный,
что брюха требует — не духа!

В кино — природы и типажности,
в театре — броскости мистерий,

высокой требует продажности,
а не высоты материй!

Но в час ночной, в пустынной комнате,
наступит миг, — я в это верю, —
когда вы вздрогнете и вспомните,
и ощутите как потерю.

Она настигнет словно лезвие
и станет вдруг нужнее хлеба —
душа, отдушина, поэзия,
ваш сон земной, седьмое небо!

За всё воздастся и ответится.
Мы все любовью сотворимы.
А во вселенной тихо светится
планета с именем Марины.

Мои заоблачные бредни
и романтические всплески —
зари вечерней отблеск летний,
оттенки, блики, арабески —

весь мир души неугомонной...
Неужто канет всё как в Лету,
всё минет, как у Соломона,
сказавшего: «пройдёт и это»?

Душе не перелиться в душу
свободно, словно рекам в реку,
и, как ни бейся, не нарушить
мне герметичность человека.

И не суметь — исповедально,
и не увидеть — запредельно...
Всё это, право, так печально.
Хотя, конечно, не смертельно.